

УДК 811.511.1'272(571.56-81)

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-3-44-69>

Оригинальная научная статья

К атрибуции предполагаемых юкагиризов *мөөмө* ‘медведь’ и *хайыһар* ‘лыжи’ в якутском языке

С. Н. Курилова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Якутск, Россия

 samonakur@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме атрибуции заимствований в условиях разнонаправленных контактов. Объект исследования – две лексемы якутского языка, *мөөмө* ‘медведь’ и *хайыһар* ‘лыжи’, которые традиционно рассматриваются как возможные юкагиризмы. Актуальность работы определяется тем, что юкагирские элементы в якутском языке оставались на периферии исследовательского внимания: в юкагироведении исследования главным образом сосредоточены преимущественно на заимствованиях в юкагирский язык, тогда как обратное направление детально и систематически не изучалось. Цель работы – установить степень надежности юкагирской этимологии для каждой из двух лексем, для чего была проведена систематизация диалектного материала, сопоставление якутских форм с юкагирскими и тунгусо-маньчжурскими данными, анализ фонетического освоения рассматриваемых лексем средствами якутской фонологии. Материалом послужили диалектологические и толковые словари, этимологические работы и базы данных StarLing. Применялись сравнительно-исторический, этимологический, фонетический, ареальный и диалектологический методы. Результаты показали принципиально разную степень надежности атрибуции. Для *мөөмө* совокупность признаков – локализация исключительно в северных говорах, помета о заимствовании в диалектологических словарях, точное юкагирское соответствие при отсутствии самостоятельных тунгусских параллелей – позволяет считать юкагирскую этимологию наиболее вероятной. Для *хайыһар* наличие самостоятельной эвенской формы и отсутствие прямых доказательств юкагирского источника не позволяют вынести однозначного решения: лексема квалифицируется как ареальная контактная единица с неопределенным направлением заимствования. Таким образом,

© Курилова С. Н., 2026

ни один из критериев атрибуции не является достаточным сам по себе, лишь их совокупность позволяет с той или иной степенью уверенности говорить о направлении заимствования. Перспективы исследования связаны с уточнением статуса эвенского *қайсар*, изучением всей системы якутских обозначений лыж и расширением материала за счет других предполагаемых юкагиризмов.

Ключевые слова: юкагирский язык, якутский язык, эвенский язык, диалектная локализация, лексика, заимствование, направление заимствования, атрибуция, критерии атрибуции, фонетическая адаптация, семантическая мотивация, параллели, ареальная контактная единица, этимология, реконструкция

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания «Цифровое описание языков народов Севера РФ (на материале якутского языка и его диалектов)» (Соглашение № FSRG-2026-0011)

Для цитирования: Курилова С.Н. К атрибуции предполагаемых юкагиризов *möömö* ‘медведь’ и *khajyhar* ‘лыжи’ в якутском языке. *Арктика XXI век*. 2026;14(3):44–69. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-3-44-69>

Original article

On the attribution of putative Yukaghirisms *möömö* ‘bear’ and *khajyhar* ‘skis’ in the Yakut language

Samona N. Kurilova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russia

 samonakur@mail.ru

Abstract

The article addresses the problem of attributing borrowings in the context of multidirectional contacts. The object of the study is two lexemes of the Yakut language, *möömö* ‘bear’ and *khajyhar* ‘skis’, which are traditionally regarded as possible Yukaghirisms. The relevance of the work is determined by the fact that Yukaghir elements in the Yakut language have remained on the periphery of scholarly attention: in Yukaghir studies, research has focused mainly on borrowings into the Yukaghir language, whereas the reverse direction has not been studied in detail and systematically. The aim of the work is to establish the degree of reliability of the Yukaghir etymology for each of the two lexemes; for this purpose, the dialect material was systematized, Yakut forms were compared with Yukaghir and Tungusic-Manchu data, and the phonetic adaptation of the lexemes under consideration by means of Yakut phonology was analyzed. The material includes dialectological and explanatory dictionaries, etymological works, and StarLing databases. Comparative-

historical, etymological, phonetic, areal, and dialectological methods were employed. The results showed a fundamentally different degree of reliability of attribution. For *möömō*, a combination of features – localization exclusively in northern dialects, a borrowing label in dialectological dictionaries, and an exact Yukaghir correspondence in the absence of independent Tungusic parallels – allows the Yukaghir etymology to be considered the most probable. For *khajyhar*, the presence of an independent Even form and the absence of direct evidence of a Yukaghir source do not permit an unambiguous decision: the lexeme is qualified as an areal contact unit with an indeterminate direction of borrowing. Thus, no single criterion of attribution is sufficient by itself; only their combination allows one to speak with varying degrees of confidence about the direction of borrowing. Prospects for further research are connected with clarifying the status of the Even *qajsar*, studying the entire system of Yakut ski designations, and expanding the material at the expense of other putative Yukaghirisms.

Keywords: Yukaghir language, Yakut language, Even language, dialect localization, lexicon, borrowing, direction of borrowing, attribution, criteria of attribution, phonetic adaptation, semantic motivation, parallels, areal contact unit, etymology, reconstruction

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the state assignment “Digital Description of the Languages of the Peoples of the North of the Russian Federation (Based on the Yakut Language and Its Dialects)”, Agreement No. FSRG-2026-0011

For citation: Kurilova S.N. On the attribution of putative Yukaghirisms *möömō* ‘bear’ and *khajyhar* ‘skis’ in the Yakut language. *Arctic XXI Century*. 2026;14(3):44–69. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-3-44-69>

Введение

Языковые контакты в Северо-Восточной Сибири – одна из наиболее сложных и вместе с тем недостаточно изученных областей сравнительно-исторического и ареального языкознания. На протяжении нескольких столетий здесь взаимодействовали языки разных семей и групп – тюркские, тунгусо-маньчжурские, палеоазиатские – и результатом этого взаимодействия стала многослойная лексическая система, в которой исконные элементы соседствуют с заимствованиями, а границы между теми и другими далеко не всегда очевидны.

Якутский язык, будучи наиболее крупным по числу носителей и территориально наиболее распространенным языком региона, издавна служил источником заимствований для соседних языков. Однако и сам он на разных этапах своей истории испытывал влияние со стороны

языков, с носителями которых якуты вступали в контакт. Особый интерес в этом отношении представляет юкагирский язык – условно палео-азиатский по происхождению, ныне представленный двумя идиомами (тундровым и лесным), но в прошлом занимавший значительно более широкий ареал.

Первое упоминание о заимствованных элементах в юкагирском языке принадлежит В.И. Иохельсону, который в очерке «Одульский (юкагирский) язык» (1934) отметил, что язык тундровых юкагиrow «воспринял довольно большое количество тунгусских корней, которые в своем дальнейшем развитии, однако, подчинились законам одульского языка» [1, с. 150]. В дальнейшем Е.А. Крейнович детализировал эти наблюдения, выделив юкагирско-эвенские, юкагирско-якутские и юкагирско-русские связи [2, с. 246–251]. Именно он впервые поставил вопрос о необходимости разграничения контактных и генетических элементов в юкагирском языке, подчеркнув, что его сравнительно-историческое исследование «находится в прямой зависимости от исчерпывающего изучения диалектов этого языка и его словаря» [2, с. 221]. Там же Крейнович сформулировал и более общий вопрос: «Реальна ли надежда найти в языке нетронутый древнейший пласт слов?» [2, с. 254]. Он не потерял актуальности и сегодня, поскольку решение конкретных этимологических задач напрямую зависит от того, как мы понимаем соотношение исконного и заимствованного в юкагирском языке.

Сложность этой задачи усугубляется тем, что генетическая принадлежность юкагирского языка остается предметом дискуссии. Ряд исследователей аргументировал его связь с уральскими языками – от первых лексических сопоставлений [3; 4; 5] до системных реконструкций Б. Коллиндера [6], К. Боуды [7] и О. Тайера [8]. Наиболее последовательное обоснование урало-юкагирского родства представлено в работах И.А. Николаевой [9; 10]. С другой стороны, О.А. Мудрак, критикуя уральскую гипотезу, объединяет юкагирский с нивхским и чукотско-камчатскими языками в гипотетическую «охотскую» общность [11]. Таким образом, вопрос о том, какие элементы юкагирской лексики следует считать наследием древнего родства, а какие – результатом контактов, остается открытым и непосредственно влияет на атрибуцию заимствований.

Последующие исследования Г.Н. Курилова [12], А.А. Бурыкина [13; 14], Е.С. Масловой [15] и Д. Матича [16] были посвящены преимущественно заимствованиям в юкагирский язык, прежде всего русским и эвенским. Обратное направление (юкагирские элементы в якутском языке) оставалось на периферии исследовательского внимания. Отдельные аспекты юкагирско-якутских контактов затрагивались в работах

И.А. Николаевой [10], О.А. Мудрака [11] и М.А. Живлова [17], в которых был уточнен ряд этимологий, однако систематического анализа юкагиризов в якутском языке до сих пор не предпринималось. Одна из причин этого – методологическая сложность самой задачи: юкагирско-якутские схождения могут быть результатом как прямого заимствования, так и параллельного заимствования из третьего источника, а в ряде случаев – следствием более древних, палеоазиатских по своему характеру связей.

Цель работы – установить степень надежности юкагирской этимологии для каждой из двух лексем и выявить критерии, позволяющие отграничить случаи достаточно уверенной атрибуции от случаев, где атрибуция остается неопределенной. Это предполагает решение трех задач: систематизировать диалектный материал по каждой лексеме; сопоставить якутские формы с юкагирскими и тунгусо-маньчжурскими данными, включая существующие реконструкции; проанализировать фонетическую адаптацию заимствований средствами якутской фонологии.

Методология и материалы

В фокусе настоящей работы – две лексемы якутского языка: *mөөмө* ‘медведь’ и *хайыһар* ‘лыжи’. Обе они давно обращают на себя внимание исследователей, поскольку не имеют надежной тюркской этимологии, локализуются преимущественно в северных говорах и обнаруживают параллели за пределами тюркского мира – в юкагирском и тунгусо-маньчжурских языках. Именно это сочетание признаков и побудило нас рассмотреть их как возможные заимствования из юкагирского. Однако, как показывает анализ, за внешним сходством исходной ситуации скрывается принципиальное различие. Если *mөөмө* действительно может быть квалифицировано как вероятный юкагиризм, то *хайыһар* оказывается случаем гораздо более сложным, где однозначное решение о направлении заимствования вряд ли возможно на имеющемся материале.

Работа строится на материале лексикографических и этимологических источников по якутскому, юкагирскому, тунгусо-маньчжурским и палеоазиатским языкам.

Якутский материал извлекался прежде всего из двух диалектологических словарей [18; 19], поскольку именно они дают наиболее полную картину диалектной локализации интересующих нас форм. Для верификации литературных форм и их значений привлекался толковый словарь якутского языка [20; 21]. Фонотактика и морфонологические процессы описывались по грамматике современного якутского литературного языка [22], а специфика фонетического освоения заимствований – по работе Н.Д. Дьячковского [23].

Юкагирский материал представлен словарями Г.Н. Курилова [24] и П.Е. и А.Е. Прокопьевых [25], а также этимологическими работами И.А. Николаевой [10], М.А. Живлова [17] и О.А. Мудрака [11]. Данные тунгусо-маньчжурских языков привлекались по словарям тунгусо-маньчжурских языков [26; 27]. Также привлекались этимологические базы данных StarLing.

Методологическая основа работы достаточно традиционна для исследований по контактной этимологии. Сравнительно-исторический метод применялся для установления праюкагирских реконструкций и их сопоставления с якутским материалом. Этимологический анализ – для проверки исконного или заимствованного характера лексем, включая анализ их внутренней формы и словообразовательных связей. Фонетический анализ позволил выявить закономерности адаптации юкагирского материала средствами якутской фонологии. Ареальный метод использовался для характеристики лексем в контексте межъязыковых контактов Северо-Восточной Сибири, а диалектологический – для установления ареала распространения рассматриваемых форм.

При определении статуса лексем мы опирались на совокупность признаков, ни один из которых, как показывает практика контактной этимологии, не является достаточным сам по себе. Учитывались: диалектная локализация (ограничение северными говорами, исторически соседствовавшими с юкагирским ареалом); отсутствие сведений в этимологических словарях тюркских и монгольских языков; наличие прямой пометы о заимствовании в диалектологических словарях якутского языка; характер фонетических соответствий между якутской и юкагирской формами; наличие или отсутствие самостоятельных параллелей в тунгусо-маньчжурских языках; наконец, этнокультурный контекст – принадлежность лексемы к сфере табуированной зоонимии или промыслового инвентаря, что само по себе создает особые условия для заимствования и функционирования слова.

Работа не претендует на исчерпывающее описание юкагирского влияния на якутский язык. Мы сознательно ограничились двумя лексемами, выбор которых обусловлен их показательным контрастом. *Мөөмө* представляет случай достаточно надежной атрибуции, тогда как *хайыһар* – случай, где атрибуция остается неопределенной. Дальнейшее расширение материала за счет других предполагаемых юкагиризмов северных якутских говоров позволило бы перейти от анализа отдельных случаев к системной характеристике контактных отношений, и это представляется одной из задач будущих исследований.

Обсуждение

Мөөмө ‘медведь’: установление источника заимствования

По данным диалектологических словарей якутского языка, в северных говорах фиксируются следующие эвфемистические обозначения медведя:

– юк. *мэмэ* ‘медведь’ > у.-я. *мөөмө, мөөмүсэ, мээмэчэ* ‘медведь’; верх. *мөөмүчэ* ‘волк; белый медведь’; у.-я., Алл. *мээмичэ* ‘медведь’; алл. *мээмэчэ* ‘медведь’; у.-я., Алл. *мөөмүчэкэ* ‘медведь’ [19, с. 163, 171];

– юк. *мэмэ* ‘медведь’ > жиг. *мөөмөө, мэмээйи* ‘медведь’; у.-я. *мөөмүчэ* ‘медведь’ [18, с. 126, 130].

Сопоставление двух словарей обнаруживает ряд расхождений. В диалектологическом словаре 1976 года представлен ряд форм *мөөмө, мээмичэ, мээмэчэ, мөөмүчэкэ, мөөмүсэ*. Напротив, форма *мэмээйи* фиксируется только в диалектологическом словаре 1995 года. Эти расхождения могут объясняться как реальной диалектной вариативностью и подвижностью ареала, так и различиями в источниках и принципах подачи материала. Существенно, однако, что все без исключения формы локализуются в северных говорах якутского языка (усть-янском, жиганском, аллаиховском, верхоянском) и не представлены в литературном языке. Ни в этимологических словарях тюркских языков, ни в этимологических словарях монгольских языков сведения об этих лексемах и их реконструкции отсутствуют. Показательно, что уже в диалектологическом словаре 1976 года при форме *мээмэчэ* и в диалектологическом словаре 1995 года при форме *мөөмөө* стоит прямая помета о заимствованном характере из юкагирского, т. е. составители обоих словарей квалифицируют якутские формы как заимствования из юкагирского.

Примечательно, что диалектные формы, возводимые к юкагирскому источнику, не вытеснили исконных обозначений, а встроились в уже существующую систему. Основным наименованием медведя в якутском является *эһэ* ‘медведь; дед’ [21, с. 376–377], а общее число эвфемистических и диалектных обозначений превышает 130 (*аабый, кычыкы, тэптиһэ, хара, чыысый, эбээкий* и др.) [28, с. 61–62]. Столь широкая вариативность объясняется действием запрета на прямое называние медведя: запрет порождает конкуренцию эвфемизмов, а она, в свою очередь, открывает путь для иноязычных номинаций. Заимствованная лексема занимает в этом ряду одну из позиций, не претендуя на роль основного обозначения.

Аналогичная квалификация представлена и в тунгусо-маньчжурских источниках. В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских

языков» (1975) эвенские диалектные формы даны с указанием на юкагирское происхождение:

– юк. *мэмэ* 'медведь' > эв. *мэмэчэ* ол., п. *мэмэчэ*, к.-о. *мамачан*, алл. *мэмэчэн*, ск. *мөмө*, с.-э. *мэмэкэ*, м. *мэмэнзэ* 'медведь' [27, с. 568, 988].

В словарях эвенского языка приводятся, наряду с литературными, и диалектные формы:

– эв. *мэ:мэ:*, *мэ:мэкэ*, зап. *мө:мө* '1. медведь; страшилище; 2. межд. ужас! страшно!' [26, с. 54, 141];

– *мэмэкэ*, *мэмэчэ* н.-к. 'медведь'; *мэмэнньде* н.-к. 'медведь' [29, с. 179].

В эвенском также показательно, что юкагирские по происхождению формы сосуществуют с обозначениями иного, собственно эвенского происхождения: эв. *накат* 'медведь' (также *накат* 'медвежий'), *абага* 'дедушка; медведь', *кя:га* 'дед; медведь', *хучана* 'медведь', *хукэчэн* 'медведь-шатун' [26, с. 9, 50, 56, 89, 91, 141]. Материал одного языка вошел в систему другого языка, располагающего собственными средствами для обозначения того же референта. Это обстоятельство само по себе указывает на то, что формы типа *мэмэчэ*, *мэмэкэ* и тому подобное не исконны.

Таким образом, и якутские, и эвенские формы, схожие с лесным юкагирским *мэмээ*, независимо друг от друга возводятся составителями соответствующих словарей к юкагирскому источнику. Все это, несомненно, создает предпосылки для рассмотрения якутских и эвенских форм как заимствования из юкагирского.

Теперь обратимся к материалам юкагирского языка. В лесном юкагирском идиоме понятие «медведь» передает лексема *мэмээ* (производные *мэмээдуо* 'медвежонок', *мэмээн чуул* 'медвежатица, медвежье мясо') [25, с. 185], тогда как в тундровом юкагирском для обозначения медведя используется производное *хайчиэтэгэ* (от *хайчиэ* 'дедушка' + увел. *-тэгэ*) [24, с. 502].

С точки зрения этимологии, мы можем предположить несколько версий происхождения рассматриваемой лексемы.

Первая версия принадлежит И.А. Николаевой, которая приводит формы л.-юк. *те:те:*, *тете*, *тете:*, *те:те:ча:п*, *тетесен*, *тетесен*, *титесен* 'медведь', производное *те:те:n-punbur* 'разновидность длинной шелковистой травы', а также т.-юк. *Меетесен* (женское имя), для которых реконструируется праформа **те:(те:)* (1193). По мнению Николаевой, юкагирское *мэмээ* может восходить к редуцированному корню *мээ*, а эвенские и якутские формы являются юкагирскими заимствованиями [10, с. 263].

Вторая версия представлена в этимологических базах данных StarLing¹. В юкагирской базе данных приведена праформа *mae-mae-* (J-1272)² ‘медведь’, которая включается в нивхско-одульскую базу данных с общим пракорнем **mijmā ~ -ĩ* (N-1272)³ ‘медведь, мохнатый человек’, объединяющим параллели пранивхского **mim* ‘обезьяна’ (N-1938) и праительменского (N-1808) **tām-č* ‘медвежонок’. Существенно, что родство чукотско-камчатской и нивхской семей в настоящее время считается в определенной степени доказанным благодаря работам О.А. Мудрака [30; 31], а современные статистические исследования подтверждают гипотезу о языковом родстве для пары «чукотско-камчатские – нивхский» [32]. Если связи между юкагирским, нивхским и чукотско-камчатскими языками носят генетический характер, юкагирская *мээмээ* представляет собой не заимствование, а наследственный элемент палеоазиатского фонда.

Третья версия допускает, что *мээмээ* является заимствованием в лесном юкагирском из тунгусских языков или иного источника. В тунгусо-маньчжурской этимологической базе в комментарии приведена праформа **tute-/*tete-* (TM-2708)⁴ ‘медведь, белый заяц’; при этом отмечается, что направление заимствования может быть и обратным – из эвенского в юкагирский.

Четвертая версия – скорее теоретическая, на наш взгляд, – допускает, что обе формы восходят к некоему третьему, несохранившемуся источнику. Однако конкретных данных в пользу этой гипотезы в доступных материалах не обнаруживается.

Как видим, ни одна из рассмотренных версий не может считаться окончательной. При этом якутские формы, независимо от их источника, относятся к числу табуированных обозначений, что требует обращения к этнокультурному контексту. В традиционных представлениях юкаги-ров медведь занимает особое положение. Медведь рассматривается как

¹ StarLing – программа, разработанная и запущенная в 1998 г. С.С. Старостиним для работы с лингвистически ориентированными текстами и базами данных в рамках проекта «Вавилонская башня». Режим доступа: <https://starlingdb.org/intrab.php?lan=ru> (дата обращения: 20.06.2026).

² Буквенное обозначение J перед номером праформы указывает на этимологическую базу данных юкагирского языка JukaEt, разработанную О.А. Мудраком (версия в StarLing).

³ Буквенное обозначение N перед номером праформы указывает на этимологическую базу данных палеоазиатских языков NiodEt, разработанную О.А. Мудраком (версия в StarLing).

⁴ Буквенное обозначение TM перед номером праформы указывает на этимологическую базу данных тунгусо-маньчжурских языков TungEt (версия в StarLing).

человек-предок, а его душа способна перерождаться в людях [33, с. 24; 34, с. 47]. Поскольку называть медведя напрямую не принято, в юкагирском выработалась система иносказательных обозначений, включающая термины родства (т.-юк. *хайчиэтэгэ* букв. ‘большой дедушка’, л.-юк. *хаахаатэгэ* букв. ‘большой дедушка’) и эвфемизмы [24, с. 502; 35, с. 110]. В лесном юкагирском наиболее употребительным является ономато-поэтическое *мээмээ* [36, с. 136].

Наличие *мээмээ* только в лесном идиоме и его отсутствие в тундровом допускает несколько объяснений. Согласно первому, *мээмээ* является исконной юкагирской лексемой, утраченной в тундровом идиоме. Если палеоазиатские связи, отраженные в нивхско-одульской этимологической базе, носят генетический характер, отсутствие *мээмээ* в тундровом юкагирском объясняется утратой – явлением, обычным для лексики табуированной сферы, где конкурирующие обозначения (термины родства, эвфемизмы) могут вытеснить исходное наименование. Объяснение через табуирование само по себе здесь недостаточно: медвежий культ и система эвфемистических обозначений засвидетельствованы у обеих юкагирских групп [35, с. 110]. Лесные юкагиры, располагая развитой системой иносказаний (*инличэбон* ‘страшный’, *лэбиэн-чомодьэл* ‘хозяин земли’, *чомол-шоромо* ‘большой человек’), тем не менее сохранили *мээмээ* как употребительное название. Следовательно, табуирование само по себе не объясняет утрату: если эвфемизация не вытеснила *мээмээ* в лесном идиоме, она не должна была вытеснить его и в тундровом. Более вероятно, что в тундровом юкагирском *мээмээ* было вытеснено конкурирующим обозначением – термином родства *хайчиэтэгэ* ‘великий дедушка’, закрепившимся в качестве основного наименования. Согласно же второму объяснению, *мээмээ* является заимствованием в лесном юкагирском, а его отсутствие в тундровом естественно – заимствование не распространилось на оба идиома. Это предположение согласуется с данными о глубоком расхождении двух юкагирских ветвей (~1350 г. до н.э. по М.А. Живлову) и о различном характере их контактов с соседними народами [37, с. 155; 38, с. 64–66]. После распада общеюкагирского ареала его части развивались изолированно, в окружении разных этноязыковых групп. Степень и характер этого влияния оказались неодинаковыми.

В звуковом отношении якутские формы достаточно близки к лесному юкагирскому *мээмээ*. В обеих группах сохраняется редупликативная структура основы и повтор губного носового *м-*, который в юкагирском характеризуется как носовой губной [37, с. 158; 15, с. 30]. Ключевой чертой фонетической адаптации является субституция гласных: юкагир-

ский э передается в якутском как *ө*, то есть как гласный переднего ряда, огубленный, широкий. Эта субституция затрагивает не только долгий гласный первого слога (*ээ* > *өө*), но и гласный второго слога (*ээ* > *ө*). Огубление второго гласного, в свою очередь, определяется действием якутского сингармонизма: после огубленного *ө* первого слога гласный второго слога также должен быть огубленным [22, с. 49]. Что касается долготы, то в лесном юкагирском представлена форма *мээмээ* с долгими гласными в обоих слогах, тогда как в якутском *мөөмө* долгота сохраняется лишь в первом слоге: якутские долгие гласные в не-первых слогах ограничены, и юкагирская долгота закономерно передается здесь кратким гласным. Таким образом, якутская форма может быть описана как результат двух независимых процессов – субституции *э* > *ө* и сокращения долготы во втором слоге, причем первая из них является определяющей для облика слова в целом. Якутские рефлексy *мөөмүчэ*, *мөөмүсэ*, *мөөмүчэкэ* отражают дальнейшее морфологическое освоение основы на почве языка-реципиента – наращение аффиксальных элементов с гласными *у* и *э*, которые соответствуют закономерностям якутской гармонии гласных после огубленного *ө*.

Усть-янская, аллаиховская и верхоянская локализация рассматриваемых форм – это зона северных якутских говоров, исторически соседствовавших с юкагирским ареалом. Отсутствие удовлетворительной тюркской этимологии для *мөөмө* и наличие прямых юкагирских соответствий делают юкагирскую этимологию наиболее вероятной. Существенно при этом, что рассматриваемая лексема не имеет эвенских или эвенкийских параллелей, которые могли бы считаться самостоятельными, а не заимствованными из юкагирского. Этим она отличается от другого рассматриваемого в настоящей работе случая – *хайыһар*, для которого, напротив, засвидетельствованы тунгусские формы и направление заимствования остается неопределенным.

Таким образом, совокупность данных – диалектная локализация исключительно в северных говорах, отсутствие сведений в этимологических словарях тюркских и монгольских языков, прямая квалификация в диалектологических словарях якутского языка как юкагиризма, наличие точного юкагирского соответствия при отсутствии самостоятельных тунгусских параллелей – позволяет считать юкагирскую этимологию *мөөмө* и его диалектных вариантов наиболее вероятной.

***Хайыһар* ‘лыжи’: ареальное описание лексической единицы с неопределенным источником**

Спорной в этимологическом отношении остается тундрово-юкагирская лексема *хайсар* ‘голицы, лыжи’ [24, с. 502]. Данное слово уже

привлекало внимание исследователей. Так, Е.А. Крейнович, рассматривая юкагирско-якутские языковые связи, сопоставляет юкагирское *хайсар* 'лыжи, не подбитые мехом' с якутским *хайысар* 'лыжи' [39, с. 250]. И.А. Николаева, однако, предпочла развести корень **qaj-* (1976) 'гнуть, изгибать' и лексему **qajsar* (1981) 'деревянные лыжи', давая каждому самостоятельную реконструкцию [10, с. 375]. При этом юкагирское *хайсар* исследовательница сопоставляет с якутским *qajysar* 'лыжи' [20, с. 209] и эвенским *qajsar* 'деревянная лыжа' [27, с. 361], ссылаясь на работы Е.А. Крейновича [2, с. 248, 250] и М. Фортескью [40, с. 165]. Таким образом, с точки зрения И.А. Николаевой, *хайсар* не является производным от *хай-* в синхронном и диахроническом смысле, а представляет собой самостоятельную лексему.

Обращение И.А. Николаевой к указанному месту в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» (1975) требует уточнения. Соответствующий материал по тунг. *qajsar* 'деревянная лыжа' представлен в словарной статье *кајама*:

кајама 'лыжи-голицы';

эвк. а., алд., з., сх., тнг., урм., учр., чмк. *кајама* '1) лыжи-голицы (не подбитые мехом); 2) а., М. ленчик – полка седла';

эв. *қайсар* [< як.] ол. (ох. *кајса*, м., т. *кајсар*, б. *қайсара*, ск. *кājyihār* ~ *хājyihār* ~ *kāhjār* ~ *хājār* ~ *каһн'ар*) 'лыжи-голицы (не подбитые мехом)';

орок. *кајама* 'лыжи-голицы (не подбитые мехом)';

< як. *хајысыр* 'лыжи' [27, с. 361].

Здесь *қайсар* относят к заимствованиям из якутского. Это меняет наше представление: если эвенский *қайсар* – якутизм, оно не может быть источником якутского *хайыһар*, и направление заимствования для пары «якутский – эвенский» оказывается обратным. Эвенкийский и орокский *кајама* / *кајама*, вероятно, представляют отдельный тунгусо-маньчжурский этимон, не тождественный юкагирско-якутскому ряду. Таким образом, «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (1975) не подтверждает эвенское посредничество, а указывает, что якутская форма могла быть источником для эвенской; вопрос же о ее собственном происхождении – из юкагирского или иного источника – остается открытым.

В тундровом юкагирском корень *хай-* 'изгибаться, искривляться' перед гласной последующего суффикса может выступать в развернутой форме *хайр-* (ср.: *хайричи-* 'изогнуться; искривиться; перен. издохнуть', *хайруол-* 'быть изогнутым', *хайруолмуол-* 'быть слегка изогнутым', *хайруочи-* 'быть слегка изогнутым', *хайрууйи-* 'изгибаться во многих местах', *хайруу* 'изгиб чего-л. (напр., полозьев)'). Форма же *хай-* сохраняется перед аффиксами, начинающимися на согласный звук (ср.: *хайсэ-*

‘сгибать что-л.’, *хайсиһи* ‘изогнутая форма, по которой загибают полозья нарт’) [24, с. 502]. Такое распределение позволяет рассматривать *хай-* и *хайр-* как связанные алломорфы одного корня, а *-р-* как расширение, не вносящее самостоятельного деривационного значения.

Приведенные данные позволяют уточнить характер соотношения якутской и юкагирской форм. С одной стороны, в юкагирском языке наличествует корень *хай-* ‘изгибаться, искривляться’, семантически мотивирующий обозначение лыж как предметов, имеющих изогнутую форму (ср. *хайруу* ‘изгиб полозьев’). С другой стороны, как показывает И.А. Николаева, сама лексема *хайсар* ‘деревянная лыжа’ не выводится из этого корня и представляет собой отдельную этимологическую единицу. Это означает, что внутренняя форма юкагирского *хайсар* в синхронном плане не является прозрачной, несмотря на внешнее созвучие с корнем *хай-*.

Отметим, что лыжная терминология юкагирского языка не исчерпывается лексемой *хайсар*. В тундровом юкагирском имеется лексема *модьидиһи* ‘лыжи с мехом; лыжи, покрытые мехом (шкурой лося)’ (*модьидьииһиһэ* – ‘иметь лыжи, покрытые мехом’, *модьидиһираал* ‘тополь (белый)’) [24, с. 245]. В лесном юкагирском это такие термины как *колиһэ* ~ *көһисэ* ~ *көһиһэ* ‘лыжи (деревянные)’ (*көһиһиһэн чугэ* ‘лыжня’) [25, с. 126, 128], *угурчэ* ‘лыжи (подбитые камусом)’ (*угурчэн чугэ* ‘лыжня’, а также *угурчэраа* ‘тополь’) [25, с. 291–292]. При этом в тундровом юкагирском *угурчэ* имеет иное значение – ‘нога, ноги; лапа (животного); копыл; ножка, опора; обувь’ [24, с. 483].

Отметим, что и якутский язык располагает целым рядом обозначений лыж, не тождественные *хайыһар*, но обнаруживают с ним определенное сходство. Диалектологические словари фиксируют: бод. *лабыыйык* ‘охотничьи лыжи’, в.-кол. *лыыса* ‘спортивные лыжи’, вил. *лыысай* ‘спортивные лыжи’, в.-вил. *миинэр* ‘лыжи’, вил., долг., есс., олен. *хааһар* ‘лыжи’, вил. *хааһыргаан* ‘лыжи’, в.-кол. *таппыһар* ‘лыжи’, олен. *хааһар* ‘охотничьи лыжи, подбитые шкурой’, амг., бод. *хајаама* ‘весенние лыжи для передвижения’ [19, с. 152, 159, 236, 274; 18, с. 114, 212, 214], а также с.-кол. *хаптабай* ‘лыжи’. Особенно показательны в этом отношении *хааһар* и *хајаама*: первое может быть сопоставлено с *хайсар* при учете чередования *h* ~ *c* [22, с. 90] и возможной утраты *й* с компенсаторным удлинением гласного, второе перекликается с тунгусо-маньчжурским *кајама* / *кајама* [27, с. 361]. Существование этого гнезда обозначений показывает, что лыжная терминология якутского языка формировалась под влиянием нескольких источников (как юкагирского, так и тунгусо-маньчжурского) и что *хайыһар* является лишь одним из элементов этой системы.

При расхождении основных лыжных терминов тундровый и лесной юкагирский обнаруживают параллелизм в производных обозначениях тополя. Тундровый юкагирский *модьидишраал* ‘тополь (белый)’ образовано от *модьидиш* ‘лыжи с мехом’, а лесной юкагирский *угурчэраа* ‘тополь’ – от *угурчэ* ‘лыжи (подбитые камусом)’ (ср. т.-юк. *угурчэ* ‘нога’). В обоих случаях название дерева мотивировано названием меховых, камусных лыж. Эта параллель не может быть случайной: она указывает на общий культурный фон, в котором тополь устойчиво ассоциировался именно с меховыми лыжами, а не с деревянными голицами. Показательно, что в тундровом юкагирском такая ассоциация связывает тополь с *модьидиш*, а в лесном – с *угурчэ*, то есть с разными по происхождению лыжными терминами, но с одним и тем же типом референта – лыжами, подбитыми камусом. Это дает основание говорить не о заимствовании, а о независимом воспроизводстве одной и той же семантической модели в двух идиомах.

Дополнительный аргумент в пользу исконности *угурчэ* приводит М.А. Живлов. Он трактует л.-юк. *угурчэ* ‘камусные лыжи’ и т.-юк. *угурчэ(н)* ‘нога; лапа; обувь’ как причастия на *-чэ* от глагольной основы *эгур-* ‘ходить’ (ср. л.-юк. *эгуртэ-* ~ *эбуртэ-* ‘бродить, ходить’, т.-юк. *эгуриэ-* ‘начать ходить’), к которой восходит и л.-юк. *эйрэ-* ‘ходить’, т.-юк. *эврэ-* ‘ходить, гулять, бродить’ (ПЮк. **egrə-*). Реконструкция **egurčə* подтверждается староюкагирскими <*ägurtera*>, <*agurtshira*> ‘осина’, соответствующими л.-юк. *угурчэраа* ‘тополь’ (букв. ‘лыжное дерево’). Тем самым *угурчэ* – не заимствование, а исконная лексема, производная от ‘ходить’. Этим же объясняется связь значений ‘лыжи’ и ‘нога, обувь’ (то, на чем ходят) [17, с. 77–78].

Для нашей темы существенно, что *угурчэ*, как и *модьидиш*, обозначает камусные лыжи и имеет производное название тополя (л.-юк. *угурчэраа*, т.-юк. *модьидишраал*). Это подтверждает общий культурный фон и делает *хайсар* с его непрозрачной внутренней формой и отсутствием надежных параллелей еще более изолированным.

Что касается глагольной лексики, связанной с изготовлением лыж, то в лесном юкагирском значение ‘согнуть’ передается основами *пашальэш-* ‘нагнуть, согнуть’ и *порхушай-* ‘согнуть’ [25, с. 232, 244]. Эти формы не связаны с корнем *хай-* и подтверждают, что в лесном юкагирском семантическая мотивация ‘лыжи’ – ‘гнуть’ не является прозрачной, как и в тундровом.

Далее отметим, что О.А. Мудрак предлагает для этих единиц собственные праюкагирские реконструкции. Для обще-юкагирского *уругчэ* он дает ПЮк **ugursə-* ‘нога; обувь; лыжи (камусные)’ (J-480), возводя

его к праформе **ăk(r)a-R-qu-* (1599) [11, с. 1269]. Эта праформа трактуется как производная от **ăk(r)ä-R-qo-* ‘сучок, плечо’, оформленное аффиксом частей тела **-qu*. О.А. Мудрак приводит эскимосские параллели (ПЮпик. ***akaŋ-qu-* ~ *akaŋ-qu-* (1952); ПИНуп. **akra(t)-qu-* (1959)) и указывает на связь с ПЭск. **aku-* ‘корень растения’ (662) и **akə=qu-* ‘сучок, ветка’ (1601). В числе сибирских параллелей он называет ПЧК **əkvā-r* ‘ветвь, сук’ (249) > ПЧук. **əkbq-R* ‘отросток рога, сук’ (707), ПКам. **kawa-č* ‘ветка’ (253), ПНив. **əkārə- ~ əqarə-* ‘разветвленный’ (2565) и, наконец, ПСиБ. **ukejju-* (858) > ПЮк. **ugursə-* ‘нога; обувь; лыжи (камусные)’ (480) и **ugursə-raa-* ‘тополь’ (922) ‘дерево с отростками, ветвистое дерево’ [11, с. 97]. Эта реконструкция объединяет не только т.-юк. *уғурчэ* ‘нога; обувь’ и л.-юк. *уғурчэ* ‘лыжи, подбитые камусом’, но и л.-юк. *уғурчэраа* ‘тополь’. Тем самым внутриюкагирское расхождение значений предстает не только как семантическая дивергенция, но и как возможное сохранение исходной полисемии, в которой идеи опоры, ветвления и дерева-тополя были связаны.

Для т.-юк. *модьидии* О.А. Мудрак дает ПЮк. **m^wei-zii-* ‘нарта, лыжи с камусом’ (43) > ПЭск. **qivaj(ə)qi-* (1020) ‘скользить’. В сибирских параллелях он видит вероятное заимствование из ПЧК **ŋò-lq̃-* (67) ‘лед на реке, скользкое место’ > ПЧук. **ŋo-tq̃-*, **ŋo-t-* (911) ‘лед на реке; покрыться тонким льдом’, с одной стороны, и ПСиБ. **ŋejju-* (428) > ПЮк. **m^wei-zii-* ‘нарта, лыжи с камусом’ (43), ПНив. **ŋejjā-* ‘кататься на сани, на лыжах’ (428), с другой [11, с. 672, 1263]. Таким образом, *модьидии* получает у Мудрака внешнюю этимологию, связывающую его с обозначением скольжения, льда и катания.

Наконец, для интересующей нас лексемы *хайсар* О.А. Мудрак дает реконструкцию **qaiŋa-* (J-283) ‘лыжи, голицы’, не сопровождая каким-либо комментарием. Эта реконструкция сближается с общей праформой **kějɾč* (N-309) ‘лыжи, планки нарты’ в нивхско-огульско-эскимосской базе, поскольку находит ей параллель в нивхском, и с нивхским **kez* (2287) ‘лыжная палка’, не имеющим обнаруженных параллелей в чукотско-камчатских языках. При всей предварительности этого шага он важен: он указывает на возможность более древних, нежели якутских или эвенских, связей юкагирской терминологии, связанной с лыжами.

Эти сближения, разумеется, не могут считаться окончательно доказанными. Они требуют проверки на более широком материале и с учетом критики внешних этимологий О.А. Мудрака. Однако они важны как указание на то, что юкагирская «лыжная» терминология могла иметь более глубокие сибирские связи, нежели якутско-эвенский контактный горизонт.

В якутском языке слово *хайыһар* также не имеет прозрачной внутренней формы, что указывает на его заимствованный характер. Однако наличие эвенской формы *қайсар* с тем же значением не позволяет однозначно определить, был ли источником якутского слова юкагирский или эвенский язык. Возможно также параллельное заимствование из одного источника в оба языка. Дополнительным аргументом в пользу осторожной интерпретации служит то, что якутская форма засвидетельствована в литературном языке, а не только в северных говорах. Это отличает ее от рассмотренного выше вероятного юкагиризма *мөөмө* и не позволяет распространить на *хайыһар* вывод, сделанный для *мөөмө*, поскольку эвенская форма *қайсар*, как было показано, сама квалифицируется в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» (1975) как якутизм и, следовательно, не может считаться источником якутского слова. Вопрос о происхождении *хайыһар* (из юкагирского или иного источника) остается открытым и требует дальнейшего исследования.

В звуковом отношении якутская форма *хайыһар* хорошо соотносится с тундровым юкагирским *хайсар*. Юкагирский *с* передан якутским *һ*. Вокалический элемент *ы* в *хайыһар* можно рассматривать как результат приспособления основы к якутской звуко-слоговой структуре. В юкагирском фонема *ы* отсутствует [12, с. 49, 241], и ее появление в якутской форме не может быть объяснено юкагирским влиянием. С другой стороны, сочетание *йһ* не входит в число допустимых сочетаний согласных в якутском языке [22, с. 81–82]. Среди согласных, которые в якутских словах могут непосредственно следовать за *й*, при заимствовании иноязычной лексики могут быть *б, ɛ, д, к, м, с, т, ɟ, х*, но не *ш* [23, с. 31]. Тем самым *йһ* оказывается на периферии якутской фонотактики. Недопустимые сочетания, согласно якутской фонотактике, разделяются вставочным гласным [23, с. 31; 22, с. 86]. По-видимому, именно этот механизм (эпентеза) и обусловил появление *ы* между *й* и *һ* в *хайыһар*. Юкагирский долгий *aa* при этом чередуется в якутском с кратким *a* перед *p*.

В отличие от *мөөмө*, лексема *хайыһар* засвидетельствована не только в диалектах, но и в литературном якутском языке, что указывает на ее более раннее и более широкое распространение. Это может свидетельствовать о заимствовании на более раннем этапе контактов либо о вхождении лексемы в общий северный культурный фонд. Существовало, что эвенская форма *қайсар* 'лыжи-голицы' с тем же значением сама квалифицируется как якутизм, что исключает ее из числа возможных источников якутского слова. С учетом сказанного рассматриваемый ряд следует квалифицировать как ареальную контактную параллель, направление заимствования в которой остается неопределенным,

но с существенным уточнением: для пары «якутский – эвенский» направление, по-видимому, было якутский → эвенский, тогда как для пары «юкагирский – якутский» вопрос остается открытым. На наш взгляд, именно такая осторожная формулировка в наибольшей степени соответствует нынешнему состоянию источниковой базы.

Показательно, что *хайыһар* является лишь одним из элементов якутской лыжной терминологии, которая включает также ряд других обозначений, часть из которых обнаруживает связи с иными источниками: *хајаама* перекликается с тунгусо-маньчжурским *кајама*, а *хааһар* может быть сопоставлено с *хайсар* при учете чередования *h ~ c*. Это означает, что якутская система обозначений лыж формировалась под перекрестным влиянием нескольких источников и что *хайыһар* не может рассматриваться изолированно от этого более широкого контекста.

Таким образом, если *мөөмө* может быть отнесено к группе вероятных юкагиризм северных говоров якутского языка, то *хайыһар* занимает иную позицию. Наличие самостоятельной эвенской формы с тем же значением, засвидетельствованной в литературном языке, и отсутствие прямых доказательств юкагирского источника не позволяют квалифицировать его как бесспорный юкагиризм. Речь идет, скорее, об ареальной контактной единице северного культурного фонда, происхождение которой – юкагирское или эвенское – остается неопределенным. Этим *хайыһар* принципиально отличается от *мөөмө*: если последнее имеет точное юкагирское соответствие при отсутствии самостоятельных тунгусских параллелей, то для *хайыһар* такие параллели как раз засвидетельствованы, что и не позволяет вынести однозначного решения.

Заключение

Проведенный анализ двух лексем – *мөөмө* ‘медведь’ и *хайыһар* ‘лыжи’ – позволяет сформулировать ряд выводов как частного, так и общего характера.

1. Рассмотренные случаи демонстрируют принципиально разную степень надежности юкагирской этимологии. Для *мөөмө* совокупность признаков – диалектная локализация исключительно в северных говорах, отсутствие сведений в этимологических словарях тюркских и монгольских языков, прямая квалификация в диалектологических словарях якутского языка как юкагиризма, наличие точного юкагирского соответствия при отсутствии самостоятельных тунгусских параллелей – позволяет считать юкагирскую этимологию наиболее вероятной. Для *хайыһар*, напротив, наличие самостоятельной эвенской формы с тем же значением, засвидетельствованной в литературном языке, и отсутствие прямых доказательств юкагирского источника не позволяют квалифи-

цировать его как бесспорный юкагиризм. Речь идет скорее об ареальной контактной единице северного культурного фонда, происхождение которой – юкагирское или эвенское – остается неопределенным.

2. Существенный результат проведенного анализа состоит в том, что обе лексемы не могут рассматриваться изолированно. *Мөөмө* входит в разветвленную систему якутских обозначений медведя, насчитывающую более 130 единиц и включающую как исконное *эһэ*, так и многочисленные эвфемизмы. *Хайыһар*, в свою очередь, является лишь одним из элементов якутской лыжной терминологии. Часть этих якутских обозначений обнаруживает связи с иными источниками (*хајаама* перекликается с тунгусо-маньчжурским *кајама*; *хааһар* может быть сопоставлено с *хайсар* при учете чередования *h ~ c*). Это означает, что якутская система обозначений лыж формировалась под перекрестным влиянием нескольких источников и что вопрос о происхождении каждого конкретного обозначения не может решаться вне этого более широкого контекста.

3. Фонетическая адаптация может служить дополнительным аргументом при этимологической атрибуции. Для *мөөмө* ключевой чертой является субституция юкагирского *э* якутским *ө*, затрагивающая оба слога и определяемая действием якутского сингармонизма. Для *хайыһар* существенна эпентеза *ы* между *й* и *һ*, вызванная недопустимостью этого кластера в якутской фонотактике. В обоих случаях фонетические процессы подчиняются внутренним закономерностям якутского языка, что подтверждает направление адаптации «юкагирский → якутский», но не решает вопроса об источнике заимствования.

4. Обе лексемы принадлежат к сферам, связанным с традиционной культурой: *мөөмө* – к табуированной зоонимии, *хайыһар* – к лыжному (промысловому) инвентарю. В обоих случаях заимствование встраивается в уже существующую систему обозначений, не вытесняя исконных лексем. Это позволяет говорить о том, что юкагирское влияние на якутский язык в северных говорах носило не замещающий, а дополняющий характер: заимствованные единицы занимали свободные ниши в семантическом поле, не конкурируя с основными обозначениями. Показательно при этом, что в юкагирском языке лыжная терминология также не исчерпывается одним термином: *хайсар* сосуществует с *модьидии* в тундровом идиоме и с *угурчэ* и *колииэ* – в лесном. Наличие параллельных обозначений тополя (*модьидиһаал* и *угурчэраа*), образованных от названий камусных лыж, указывает на общий культурный фон, в котором тополь устойчиво ассоциировался именно с меховыми лыжами.

5. Проведенный анализ демонстрирует необходимость комплексного подхода при атрибуции заимствований: ни один из критериев –

диалектная локализация, отсутствие в этимологических словарях, помета в диалектологическом словаре, фонетические соответствия – не является достаточным сам по себе. Лишь совокупность признаков позволяет с той или иной степенью уверенности говорить о направлении заимствования. При этом степень надежности вывода прямо зависит от полноты источниковой базы: для *мөөмө* она выше, поскольку подкреплена данными диалектологических словарей и отсутствием альтернативных этимологий; для *хайыһар* она ниже из-за наличия конкурирующей эвенской формы, статус которой сам требует уточнения.

6. Полученные результаты оставляют открытыми несколько вопросов. Во-первых, требует уточнения статус эвенской формы *қайсар*: является ли она заимствованием из якутского, как указывают лексикографические источники, или самостоятельным образованием. Во-вторых, необходимо дальнейшее изучение всей системы якутских обозначений лыж, поскольку именно она, а не отдельная лексема, является единицей контактного взаимодействия. В-третьих, перспективным представляется расширение материала за счет других лексем, которые могут быть квалифицированы как юкагиризмы северных якутских говоров, что позволило бы перейти от анализа отдельных случаев к системной характеристике юкагирского влияния на якутский язык.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что юкагиризмы в якутском языке представляют собой неоднородную группу. Наряду с достаточно надежными случаями (как *мөөмө*) в нее входят единицы, чей статус остается неопределенным (как *хайыһар*). Разграничение этих групп и выявление критериев, позволяющих провести границу между ними, составляет одну из задач дальнейшего изучения языковых контактов в Северо-Восточной Сибири.

Сокращения

Эвенский язык

алл. – аллаиховский говор среднего наречия эвенского языка

б. – быстринский говор восточного наречия

зап. – слово из западных говоров эвенского языка

к.-о. – колымско-омолонский говор восточного наречия эвенского языка

м. – момский говор среднего наречия эвенского языка

н.-к. – нижнеколымский говор эвенского языка

ол. – ольский говор восточного наречия эвенского языка

ох. – охотский говор восточного наречия эвенского языка

п. – пенжинский говор восточного наречия эвенского языка

ск. – саккырырский говор западного наречия эвенского языка
с.-э. – северо-эвенский говор восточного наречия эвенского языка
т. – томпонский говор среднего наречия эвенского языка
эв. – эвенский

Эвенкийские языки

а. – аянский говор восточного наречия эвенкийского языка
алд. – верхне-алданско-зейский диалект восточного наречия эвенкийско-
го языка
з. – зейский говор восточного наречия эвенкийского языка
м. – майский говор восточного наречия эвенкийского языка
сх. – сахалинский диалект восточного наречия эвенкийского языка
тк. – токкинский говор восточного наречия эвенкийского языка
тнг. – тунгирский говор восточного наречия эвенкийского языка
урм. – урмийский говор восточного наречия эвенкийского языка
учр. – учурско-зейский диалект восточного наречия эвенкийского языка
чмк. – чумиканский говор восточного наречия эвенкийского языка
эвк. – эвенкийский

Юкагирский язык

л.-юк. – лесной юкагирский
ПЮк. – праюкагирский
т.-юк. – тундровый юкагирский
юк. – юкагирский

Якутский язык

Алл. – аллаиховский говор якутского языка
амг. – амгинский говор якутского языка
бод. – бодайбинский говор якутского языка
верх. – верхоянский говор якутского языка
вил. – вилуйский говор якутского языка
в.-вил. – верхневилуйский говор якутского языка
в.-кол. – верхнеколымский говор якутского языка
долг. – долганский говор якутского языка
есс. – есеевский говор якутского языка
жиг. – жиганский говор якутского языка
олен. – оленекский говор якутского языка
с.-кол. – среднеколымский говор якутского языка
у.-я. – усть-янский говор якутского языка
як. – якутский

Другие

орок. – орокский

ПИнуп. – праиннупиский

ПКам. – пракамчатский

ПНив. – пранивхский

ПСиб. – прасибирский

ПЧК – прачукотско-камчатский

ПЧук. – прачукотский

ПЭск. – праэскимосский

ПЮпик. – праюпикский

тунг. – тунгусский

увел. – увеличительный

J – этимологическая база данных юкагирского языка JukaEt (версия в StarLing).

N – этимологическая база данных палеоазиатских языков NiodEt (версия в StarLing).

TM – этимологическая база данных тунгусо-маньчжурских языков TungEt (версия в StarLing)

Литература

1. Иохельсон В.И. Одульский (юкагирский) язык. *Языки и письменность народов Севера*. 1934;(3):149–180.

2. Крейнович Е.А. *Юкагирский язык*. М.-Л.: АН СССР. 1958.

3. Paasonen H. Zyr Frage von der Urverwandschaft der Finnisch-Ugrischen und Indoeuropäischen Sprachen. *Finnisch-Ugrischen Forschungen*. 1907;(17):13–31 (на нем.).

4. Winkler H. Samojedisch und Finnisch. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1912;(12):115–127 (на нем.).

5. Lewy E. Possessivisch und Passivisch. Bemerkungen zum Verbal Ausdruck in der Sprachlichen Typenlehre. *Ungarische Jahrbücher*. 1928;(8):274–289 (на нем.).

6. Collinder B. Jukagirisch und Uralisch. *Uppsala Universitets Arsskrift*. 1940;(8) (на нем.).

7. Bouda K. Die Finnisch-Ugrisch-Samojedische Schicht des Jukagirischen. *Ungarische Jahrbücher*. 1940;(20):80–101 (на нем.).

8. TAILLEUR O.G. Plaidoyer pour le Youkaghir, Branche Orientale de la Famille Ouralienne. *Lingua*, 1959;(6):403–432 (на франц.).

9. Николаева И.А. *Проблема урало-юкагирских генетических связей*: Дис. ... канд. филол. наук. Москва. 1988.

10. Nikolaeva I. *A Historical Dictionary of Yukaghir*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. 2006 (на англ.).

11. Мудрак О.А. *Эскимосский этимологикон*. М.: Тезаурус. 2011.
12. Курилов Г.Н. *Лексикология современного юкагирского языка (развитие лексики и роль в нем якутского языка)*. Новосибирск: Наука. 2003.
13. Бурыкин А.А. Русские лексические заимствования в языке лесных, или верхнеколымских юкагиrow. *Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования*. СПб: Наука. 2003:169–180.
14. Бурыкин А.А. Переключение кодов, смешение кодов, кодовая парадигматика и проблемы идентификации смешанных форм речи. *Материалы XXXV Международной филологической конференции. Уралистика*. 2006;(16–1):32–38.
15. Maslova E. *A grammar of Kolyma Yukaghir*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 2003 (на англ.).
16. Matić D. Russian influence on the Kolyma Yukaghir morphosyntax. *Sprachkontakt, synchron und diachron*. Aachen: Shaker. 2008:93–124 (на англ.).
17. Zhivlov M. Studies in Yukaghir etymology I. *Journal of language relationship*. 2023:71–80. DOI: <http://doi.org/10.31826/jlr-2022-201-206>
18. *Диалектологический словарь языка саха* / ред. М.С. Воронкин. Новосибирск: Наука. 1995.
19. *Диалектологический словарь якутского языка* / сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. М.: Наука. 1976.
20. *Большой толковый словарь якутского языка (= Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта): в 15 т.* / ред. П.А. Слепцов. Т. 13. Новосибирск: Наука. 2016.
21. *Большой толковый словарь якутского языка (= Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта): в 15 т.* / ред. П.А. Слепцов. Т. 15. Новосибирск: Наука. 2018.
22. *Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1: Фонетика и морфология* / ред. Е.И. Убрятова. М.: Наука. 1982.
23. Дьячковский Н.Д. *О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке*. Якутск: Якутское книжное издательство, 1962.
24. Курилов Г.Н. *Юкагирско-русский словарь*. Якутск: Издательство СО РАН, 2001.
25. *Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиrow)* / сост. П.Е. Прокопьева, А.Е. Прокопьева. Якутск: Издательство ИГиИПМНС СО РАН. 2021.
26. *Эвенско-русский и русско-эвенский словарь* / сост. А.А. Петров, В.С. Федоренкова. СПб: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена. 2017.
27. *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2 т.* / ред. В.И. Цинциус. Т. 1. Л.: Наука, 1975.
28. Малышева Н.В., Канг Д. Этнолингвистическое описание некоторых диалектных наименований медведя в якутском языке. *Арктика XXI век*. 2025;(1):54–75. DOI: <http://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-54-75>

29. *Эвенско-русский словарь* / сост. В.А. Роббек, М.Е. Роббек. Новосибирск: Наука. 2005.

30. Мудрак О.А. *Этимологический словарь чукотско-камчатских языков*. М.: Языки русской культуры. 2000.

31. Mudrak O.A., Nikolaev S.L. Gilyak and Chukchi-Kamchatkan as Almosan-Keresiouan Languages: Lexical Evidence. *Explorations in Language Macrofamilies: Materials from the First International Interdisciplinary Symposium on Language and Prehistory, Ann Arbor, 8–12 November 1988*. Bochum: N. Brockmeyer. 1989:67–89 (на англ.).

32. Kassian A., Starostin G., Zhivlov M., Spirin S. Calibrated weighted permutation test detects ancient language connections in the Circumpolar area (Chukotian-Nivkh and Yukaghir-Samoyedic). *Journal of Historical Linguistics*. 2025;3(15):463–481.

33. Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. *Фольклор юкагиров Верхней Колымы*. Якутск: Издательство Якутского государственного университета. 1989.

34. Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). *Одулы (юкагиры) Колымского округа*. Якутск: Северовед. 1996.

35. Туголуков В.А. *Кто вы, юкагиры?* М.: Наука. 1979.

36. *Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект)* / сост. И.А. Николаева, В.Г. Шалугин. СПб.: Дрофа. 2002.

37. Николаева И.А., Хелимский Е.А. Юкагирский язык. *Языки мира. Палеоазиатские языки*. М.: Индрик. 1996:155–168.

38. Немировский А.А. Новые лингвистические результаты М.А. Живлова и подтверждение ымыяхтахского соотношения (пра)юкагиров. *Фольклор палеоазиатских народов: материалы 2-й Межд. науч. конф. (г. Якутск, 21–25 ноября 2026 г.)*. Якутск: РИО медиа-холдинга. 2017:59–70.

39. Крейнович Е.А. *Исследования и материалы по юкагирскому языку*. Л.: Наука. 1982.

40. Fortescue M. *Language Relations across Bering Strait: Reappraising the Archaeological and Linguistic Evidence*. London; New York: Cassell. 1998 (на англ.).

References

1. Johelson W.I. Odul (Yukaghir) language. *Language and Writing System of the North*. 1934;(3):149–180 (in Russian).

2. Krejnovich E.A. *Yukaghir language*. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of USSR. 1958 (in Russian).

3. Paasonen H. On the question of the original relationship between Finno-Ugric and Indo-European languages. *Finnisch-Ugrischen Forschungen*. 1907;(17):13–31 (in German).

4. Winkler H. Samoyedic and Finnish. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1912;(12):115–127 (in German).
5. Lewy E. Possessive and passive: remarks on verbal expression in linguistic typology. *Ungarische Jahrbücher*. 1928;(8):274–289 (in German).
6. Collinder B. Yukaghir and Uralic. *Uppsala Universitets Arsskrift*. 1940;(8) (in German).
7. Bouda K. The Finno-Ugric-Samoyedic stratum of Yukaghir. *Ungarische Jahrbücher*. 1940;(20):80–101 (in German).
8. TAILLEUR OG. Plaidoyer pour le Youkaghir, branche orientale de la famille ouralienne. *Lingua*, 1959;(6):403–432 (in French).
9. Nikolaeva IA. *The problem of Uralo-Yukaghir relationship*. Candidate's dissertation (Philology). Moscow. 1988 (in Russian).
10. Nikolaeva I. *A historical dictionary of Yukaghir*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. 2006.
11. Mudrak OA. *Eskimo etymologicon*. Moscow: Tezaurus. 2011 (in Russian).
12. Kurilov GN. *Lexicology of modern Yukaghir (vocabulary development and the role of Yakut)*. Novosibirsk: Nauka. 2003 (in Russian).
13. Burykin AA. Russian lexical borrowings in the language of the Forest, or Upper Kolyma, Yukaghirs. *Lexical Atlas of Russian Folk Dialects: Materials and Studies*. Saint-Petersburg: Nauka. 2003:169–180 (in Russian).
14. Burykin AA. Code-switching, code-mixing, code paradigmatics and problems of identification of mixed speech forms. *Proceedings of the XXXV International Philological Conference. Uralistics*. 2006;(16–1):32–38 (in Russian).
15. Maslova E. *A grammar of Kolyma Yukaghir*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 2003.
16. Matić D. Russian influence on the Kolyma Yukaghir morphosyntax. *Sprachkontakt, synchron und diachron*. Aachen: Shaker, 2008:93–124.
17. Zhivlov M. Studies in Yukaghir etymology I. *Journal of language relationship*. 2023:71–80. DOI: <http://doi.org/10.31826/jlr-2022-201-206>
18. *Dialectological dictionary of the Sakha language* / ed. MS. Voronkin. Novosibirsk: Nauka. 1995 (in Yakut, Russian).
19. *Dialectological dictionary of the Yakut language* / comp. PS. Afanasjev, MS. Voronkin, MP. Alekseev. Moscow: Nauka. 1976 (in Yakut, Russian).
20. *Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vols.* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 13. Novosibirsk: Nauka. 2016 (in Yakut, Russian).
21. *Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vols.* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 15. Novosibirsk: Nauka. 2016 (in Yakut, Russian).
22. *A grammar of the modern Yakut literary language. Vol. 1: Phonetics and morphology* / ed. EI. Ubrjatova. Moscow: Nauka. 1982 (in Russian).
23. Djachkovsky ND. *On the phonetic adaptation of loanwords in Yakut*. Yakutsk: Yakut Publishing House. 1962 (in Russian).

24. Kurilov GN. *Yukaghir-Russian dictionary*. Yakutsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publishing House. 2001 (in Yukaghir, Russian).

25. *Yukaghir-Russian dictionary (Forest Yukaghir idiom)* / comp. PE. Prokopjeva, AE. Prokopjeva. Yakutsk: Publishing House of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS. 2021 (in Yukaghir, Russian).

26. *Even-Russian and Russian-Even dictionary* / comp. AA. Petrov, VS. Fedorenkova. Saint-Petersburg: Publishing House of Herzen State Pedagogical University of Russia. 2017 (in Even, Russian).

27. *A Comparative dictionary of the Tungusic-Manchu languages: in 2 vols.* / ed. VI. Tsintsius. Vol. 1. Leningrad: Nauka. 1975 (in Russian).

28. Malysheva NV, Kang D. An ethnolinguistic description of some dialectal names of the bear in the Yakut language. *Arctic XXI Century*. 2025;(1):54–75. DOI: <http://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-54-75> (in Russian).

29. *Even-Russian dictionary* / comp. VA. Robbek, ME. Robbek. Novosibirsk: Nauka. 2005 (in Even, Russian).

30. Mudrak OA. *Etymological dictionary of the Chukotko-Kamchatkan languages*. Moscow: Languages of Russian Culture. 2000 (in Russian).

31. Mudrak OA, Nikolaev SL. Gilyak and Chukchi-Kamchatkan as Almosan-Keresiouan Languages: Lexical Evidence. *Explorations in Language Macrofamilies: Materials from the First International Interdisciplinary Symposium on Language and Prehistory, Ann Arbor, 8–12 November 1988*. Bochum: N. Brockmeyer, 1989: 67–89.

32. Kassian A, Starostin G, Zhivlov M, Spirin S. Calibrated weighted permutation test detects ancient language connections in the Circumpolar area (Chukotian-Nivkh and Yukaghir-Samoyedic). *Journal of Historical Linguistics*. 2025;15(3):463–481 (in English).

33. Zhulova LN, Nikolaeva IA, Dyemina LN. *Folklore of the Yukaghirs of the Upper Kolyma*. Vol. 1. Yakutsk: Publishing House of Yakut State University. 1989 (in Russian).

34. Spiridonov NI. (Teki Odulok). *Oduls (Yukaghirs) of the Kolyma district*. Yakutsk: Severoved. 1996 (in Russian).

35. Tugolukov VA. *Who are you, Yukaghirs?* Moscow: Nauka. 1979 (in Russian).

36. *Yukaghir-Russian and Russian-Yukaghir dictionary* (Upper Kolyma idiom) / comp. IA. Nikolaeva, VG. Shalugin. Saint-Petersburg: Drofa. 2002 (in Yukaghir, Russian).

37. Nikolaeva IA, Khelimsky EA. Yukaghir language. *Languages of the World. Paleoasiatic Languages*. Moscow: Indrik, 1996:155–168 (in Russian).

38. Nemirovsky AA. New linguistic results of MA. Zhivlov and confirmation of the Ymyyakhtakh correlation of the (Proto-)Yukaghirs. *Folklore of Paleoasiatic*

Peoples: Proceedings of the 2nd International Scientific Conference (Yakutsk, November 21–25, 2026). Yakutsk: RIO media-holding. 2017:59–70 (in Russian).

39. Krejnovich EA. *Studies and materials on the Yukaghir Language*. Leningrad: Nauka. 1982 (in Russian).

40. Fortescue M. *Language relations across Bering Strait: reappraising the archaeological and linguistic evidence*. London; New York: Cassell. 1998.

Об авторе

КУРИЛОВА Самона Николаевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Международная научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическая экология Арктики», Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0300-3771>, WoS ResearcherID: JEZ-7713-2023, Scopus Author ID: 58634943800, Elibrary AuthorID: 628899, SPIN: 3783-5899, e-mail: samonakur@mail.ru

About the author

Samona N. KURILOVA – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, International Research Laboratory “Linguistic Ecology of the Arctic”, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0300-3771>, WoS ResearcherID: JEZ-7713-2023, Scopus Author ID: 58634943800, Elibrary AuthorID: 628899, SPIN: 3783-5899, e-mail: samonakur@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 10.07.2026

Поступила после рецензирования / Revised 04.08.2026

Принята к публикации / Accepted 17.08.2026